

быстрее склоняют свои увядшие стебли и исчезают. Вот ваш божественный храм, великое и славное ваше жилище,— ныне сравнялся с землей, сгубив с собою и вашу красоту» (Ibid. X. 2. P. 478). В чисто эллинистическом духе Григора именуется этот храм, т. е. Метохита, «искусством искусств» и «наукой наук» и наделяет его идеальной внешней красотой. «Храм муз», конечно же, и внешне должен быть прекрасен — установка любой классицистической эстетики, а именно ее-то и исповедовали византийские гуманисты. Метохит «телосложение имел крепкое и удивительно соразмерное, как будто природа создала его организм по канону и мерке как весь в целом, так и каждую его часть, каждый член. Украшен же он был кротким взглядом, соединенным с приятной улыбкой» (Ibid. P. 481). Для гуманистов внешняя красота человека непременно связана с его внутренними достоинствами, является их естественным выражением, знаком и знамением.

Последовательно эту гуманистическую позицию выразил на закате Византии и неоязычник Георгий Плифон. У него первое, совершенное и мудрое творение Зевса — Посейдон предстает и «самым прекрасным из... творений». Высшей красотой среди планетарных богов обладает Гелиос и т. п.¹⁸ Красота во всех ее проявлениях была внутренне близка византийским гуманистам и любима ими. Красота вещей и каллиграфически переписанной рукописи, красота пейзажа и роскошной виллы, красота юности и звездного неба — все вызывало их восхищение и преклонение.

Не была забыта ими и красота духовная. Для любителей мудрости, образования, наук вся сфера гуманитарных знаний и духовной культуры выступала носителем этой красоты. Иосиф Ракендит в «Автобиографии» с упоением пишет о красоте созерцательной жизни. Лишь тому, считал он, кто «живет разумом» и погружен в «чистое созерцание», «ведомо истинно прекрасное» (Памятники. IX—XIV. С. 342). С неподдельной радостью он сообщает, что живет в Константинополе среди духовных и мудрых мужей — ученых, риториков, философов — и с их помощью стремится двигаться по пути к прекрасному (Там же. С. 343). Феодор Метохит писал, что {424} Плутархом владели ненасытная жажда знаний и неутолимое желание «наслаждаться всем самым прекрасным». Именно поэтому он стремился постичь все доступное познанию. Прекрасное в данном случае отождествлялось им с мудростью и философией и почиталось высшей ценностью на уровне человеческой жизни. На этой позиции стояли все гуманисты.

Георгий Плифон почитал самым прекрасным в человеке разум и знания — эти дары богов, которые и в них самих составляют лучшую часть их природы. Счастье людей, полагал он, в стремлении к бессмертию и прекрасному, «в сопричастности прекрасному», данному людям богами. Обращаясь с утренней молитвой к богам, он утверждает: «...счастье это — в подражании вашей природе, так как и в вас прежде всего наличествует прекрасное. Ну, а познание сущего будет, пожалуй, самым главным из всех присущих вам прекрасных свойств, так что и у нас оно будет самым прекрасным из дел и вместе с тем вершиной блаженства»¹⁹.

Итак, практически вся сфера духовной деятельности относилась гуманистами поздней Византии к сфере прекрасного, т. е. к предметам, доставляющим духовное наслаждение (или «блаженство», по терминологии того времени). У Плифона находим мы и более конкретное определение прекрасного, которое практически полностью восходит к античному и этим как бы возвращает эстетику на «круги своя». «Прекрасное,— пишет он в третьей книге „Законов“,— следует искать в мере и соразмерности и вообще в ограничении, а не в несообразности, не в неопределенном или в том, что всегда увеличивается». Действительно, разъясняет он далее эту дефиницию, наибольшей ценностью обладает непреходящее. А таковым является нечто простое по своей природе или состоящее из частей, образующих целостность. Последняя же возможна только на основе принципов меры, пропорциональности, соразмерности, соответствия частей друг другу и целому. При их несоблюдении целостности не получается и вещь или явление «отходит от непреходящего. Поэтому то, что всегда более причастно мере и ограничению, вместе с тем прекраснее и лучше того, что всегда склонно к увеличению и вообще не ограничено»²⁰.

¹⁸ Медведев И. П. Указ. соч. М. 183; ср.: Там же. С. 225, 217.

¹⁹ Там же. С. 208.

²⁰ Там же. С. 192, 193.